

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Социальная этика и индивидуальная мораль
- Религиозная ситуация в современной Беларуси: понятие, источники данных, основные характеристики
- Трактат «Этика чистой воли» Г. Когена как новый тип философии морали в системе немецкого идеализма

УДК 172.1

Социальная этика и индивидуальная мораль

А. С. Лаптёнок, доктор философских наук*

В статье проводится мысль о том, что в современной культуре меняется соотношение индивидуальной и общественной морали. Происходит определенная атомизация морального пространства, которая приводит к изменению традиционных отношений в системе «индивид — общество». Приоритет личности не снижает значимости общего блага, но приводит к переосмыслению основных функций морали. Социальная этика предстает как совокупность моральных норм, культивируемых и реализуемых в конкретном обществе, выражающих интересы господствующих социальных групп и непосредственно связанных с целями осуществляемой государственной политики. Природа морали определяется через потребность в человечности отношений между людьми.

Ключевые слова: социум, мораль, личность, социальная этика, индивидуальная мораль, совершенствование.

Social Ethics and Individual Morals

A. S. Laptенок, PhD in Philosophy

The article suggests that in contemporary culture is changing the ratio of personal and public morality. A certain atomization of moral space occurs, which leads to change traditional attitudes in the «individual-society». The priority of the individual does not reduce the importance of the common good, but leads to rethinking of the basic functions of morality. Social ethics appears as a set of moral standards, cultivated and realized in a particular society, expressing the interests of dominant social groups and directly related to the objectives of the ongoing public policy. The nature of morality is defined through the need for humanity relations between people.

Keywords: society, morality, identity, social ethics, private morality, improving.

Изменения, происходящие в современной культуре, порождают новые условия бытия морали. Это связано со следующими значимыми для морали процессами. 1. Все большая дифференциация культуры, которая создает, как отмечают многие специалисты, в области постмодерна некую мозаичность, великое множество поглощаемого потребителями товара массового производства, не требующего совершенства каких-либо значимых духовных усилий [7]. 2. На этой основе формируется представление о равнозначности всех культурных образцов, отрицающее наличие иерархии ценностей. В отличие от культуры прошлого, в которой существование четких определений истины, добра и зла, прекрасного и безобразного составляло ее фундамент, на нынешнем этапе развития общества разнообразные ценностные системы не могут иметь статус безусловной истины. Это относится и к религиозным моральным

системам, которые в условиях наличия альтернатив в виде других конфессий теряют свою абсолютность. 3. Отсутствие четких паттернов поведения, их множественность приводит к аномии культуры и морали. Понятие нормы размывается. То, что ранее безусловно отрицалось как безнравственность, греховность, в современной культуре если не приветствуется, то толерантно признается. Основным аргументом становится суждение о том, что если какая-то форма поведения предстает приемлемой для всех участников, то она и является для них моральной нормой, что отнюдь не означает, что она будет таковой для других. Ценностная неопределенность создает ситуацию моральной оправданности практически любых поступков, не выходящих за рамки легальности. 4. Кардинальные изменения, являющиеся следствием информационной революции, порождают новые формы трудовой активности, включающие

* Заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета.

в себя значительную долю интеллектуальной составляющей. Изменяется также характер межличностного взаимодействия с использованием возможностей современных средств коммуникации. Соответственно практически исчезает возможность контроля за потреблением информационного контента. Любой запрет проката какого-нибудь фильма либо на издание книги, как правило, приводит к противоположному эффекту, вызывая к ним повышенный интерес, который может удовлетвориться благодаря доступу к источникам информации.

Отмеченные выше особенности современной культуры существенным образом меняют содержание и форму взаимодействия в системе «человек — общество», что в свою очередь приводит к изменению функциональных особенностей морали. Социальный уровень морали связывается в первую очередь с интересами социальных групп и чаще всего редуцируется к различного рода неморальным целям: политическим, религиозным, национальным и т. п. Мораль, теряя самооценку, выполняет функции, направленные на самосохранение социальной организации и в таком случае оправдывает все те деяния, которые способствуют достижению поставленной цели. Формируется особая моральная идеология, которая имеет мало общего с самой моралью, но обосновывает и стимулирует все действия, ориентированные на обозначенную высшую цель. Проблема заключается в том, что эту моральную идеологию большинство воспринимает в качестве самой морали. Моральная идеология по сути своей представляет совокупность идей и принципов, обосновывающих нравственные основы проводимой в обществе политики и господствующие в нем ценности. В этом своем качестве она тесно связана с такими регуляторами поведения человека, как обычай, право, религия. Но парадокс истории заключается в том, что не было еще такого этапа развития общества, в котором бы мораль была основным регулятором поведения человека.

Единственным примером тождественности общественных и личных интересов является первобытное общество, в котором человек был нравственен в силу органичности выполнения им принятых табу. Можно провести такую аналогию: как для нас вполне естественно дышать воздухом, пусть уже и загрязненным, так и для человека родового общества было естественным соблюдение обычаев, ритуалов и т. п. Мы задумываемся о необходимости воздуха тогда, когда нам его не хватает, например, при погружении в воду, и поэтому выныриваем на поверхность. Можем ли мы нарушить потребность в воздухе? Можем не выныр-

нуть, но тогда мы перестаем быть. Так и для человека родового строя: нарушить табу он мог, но тогда он переставал быть.

История свидетельствует, что в последующем развитии общества гораздо более эффективно выполняют роль регулятора поведения человека иные средства, такие как политика, право, религия. И есть самый универсальный и самый эффективный с точки зрения результативности способ воздействия на человека — страх. Страх, понимаемый достаточно широко, который включает самые разнообразные формы насилия по отношению как к самому индивиду, так и по отношению к тем близким, которые для него дороги.

Мораль в таком случае выступает как еще одна возможность манипуляции человеческим сознанием и поведением. И если исходить из эффективности и целесообразности функционирования социальных феноменов, то по сути своей мораль оказывается иллюзией, необходимой в основном для того, чтобы камуфлировать неблагоприятность деяний людей. Опять же, если снова обратиться к истории, то нетрудно заметить, что все тоталитарные режимы чрезвычайно моралистичны. Любое античеловечное деяние, как правило, имеет в предшествующей ему части мотивацию, воспаряющую к высшим идеалам, по сути не важно, каким — справедливости, чистоты веры, практической целесообразности и т. п. Когда же запланированное свершилось, акторы возвещают о том, что справедливость восторжествовала, зло побеждено. Террористы оправдывают свои преступления ссылкой на необходимость борьбы со злом, и если ранее имелись в виду конкретные «носители зла», то сегодня жертвами террора оказываются ни в чем не повинные люди.

Моралистичность тоталитарных режимов имеет множество подтверждений. Один из хрестоматийных примеров не совсем хорошо прописан как раз в плане его этической интерпретации. Вот как описывает эту ситуацию Б. Вайсман. В мае 1939 г. супруги Кнауеры обратились к директору клиники детских болезней Лейпцигского университета профессору В. Гателю по поводу судьбы их малолетнего сына — неизлечимо больного ребенка с особенностями психофизического развития. Профессор подтвердил факт неизлечимости младенца, добавив, что для него и родителей лучшим выходом явится смерть ребенка. Тогда супруги спросили о возможности осуществления этой акции безболезненным путем. В ответ им было сообщено, что эту проблему может разрешить только сам фюрер. По совету В. Гателя Кнауеры обратились в канцелярию фюрера, возглавлявшуюся Ф. Боулером. Эта просьба была передана А. Гитлеру. В то

время умерщвление неизлечимых и тяжело больных по уголовным законам рассматривалось как убийство. После проверки просьбы Кнауеров личным врачом А. Гитлера К. Брандтом фюрер через М. Бормана дал указание соответствующим ведомствам о возможности проведения подобных акций. Больной ребенок был усыплен в университетской клинике Лейпцига. За этим эпизодом последовала массовая кампания, для руководства которой был создан государственный комитет по научному изучению наследственных тяжелых болезней, а 18 августа 1939 г. издано строго секретное указание Министерства внутренних дел о порядке проведения подобных акций [1, с. 4].

Одно из первых человеконенавистнических деяний фашистского режима было осуществлено в ответ на просьбу родителей... Иначе говоря, любой человек осознает преступность замышляемого, отсюда потребность самооправдания апелляцией к моральной мотивации и ожидание всеобщего одобрения со стороны граждан. Точно так же, как в нашей относительно недавней истории демонстрировалось (именно демонстрировалось, так как никто не знал, что в действительности думали люди и как они оценивали происходящее) всеобщее одобрение смерти «врагов народа». Конечно, в этой связи можно привести примеры просвещенной монархии, когда абсолютность власти могла служить во благо обществу, где моральность мотивации могла быть сопряжена с позитивными практическими результатами. Но это очень ненадежная основа реализации позитивных моральных намерений в функционировании общества.

Таким образом, совокупность моральных норм, культивируемых и реализуемых в конкретном обществе, выражающая интересы господствующих социальных групп и непосредственно связанная с целями осуществляемой государственной политики, может быть определена как социальная этика. Как отмечает А. А. Гусейнов, «социальная этика принципиально отличается от индивидуальной. Основное различие состоит в том, что первая базируется на безличных нормах, задающих определенные схемы и каноны поведения, нацелена на общее благо государства в целом, чаще всего не совпадающее с частным благом отдельных лиц и сословий в нем; вторая же реализует личностный замысел и нацелена на индивидуальное благо, как оно понимается самим действующим индивидом» [2, с. 821]. В рамках социальной этики наиболее оптимальным видится такой тип личности индивида, который в максимальной степени интериоризирует существующие моральные ценности и нормы и наиболее полно воплощает их в своем поведении.

Разного вида новации отвергаются социумом по причине возможности расшатывания существующей системы моральных ценностей. Более того, эти новации опасны, поэтому идет жесткая борьба против их носителей. Так как в результате редукции морали к внеморальным целям, как в нашей истории — к политике, соответственно политизируется буквально все, даже частная жизнь человека. Поэтому девиация от навязываемых моральных норм поведения трактуется как отказ от принципов существующего строя. «Сегодня слушаешь ты джаз, а завтра Родину продашь», борьба против «стиляг», или, как определял И. С. Кон, «Битва за штаны» [3]. Некоторые отступления от норм господствующей морали признавались уголовно наказуемыми, как, например, проявления частнособственнического инстинкта, который порождал феномен нетрудовых доходов, тунеядство и, конечно же, гомосексуализм. При этом все аналогичные новации признавались аморальными, а борьба против них облекалась в формы гражданского долга.

С другой стороны, следует признать, что в социальной этике существует достаточно четкая иерархия моральных ценностей, которая обосновывается не только на уровне идеологии и философской науки, но и в образовательной практике. Достаточно вспомнить, что в Беларуси начиная с 1975 г. последовательно вводятся учебные курсы этики, сначала в высших и средних специальных учебных заведениях, а затем — в школах. Оппозиции «нравственное — безнравственное», «высокое — низкое», «свое — чужое» определяли границы поведения личности. И надо сказать, что многое в этой иерархии имело общечеловеческую основу.

Такого рода социальная этика характеризуется следующими существенными признаками. Во-первых, как правило, она отражает существование авторитарной морали и обосновывает ее. Внешний авторитет придает смысл морали, скрепляет ее, определяет вектор развития нравственной жизни. В течение многих веков в качестве такового авторитета выступал божественный абсолют. В советскую историю господства социалистической морали атрибутами высшей моральной инстанции наделялись конкретные персоналии в лице вождей. Авторитарная мораль имеет глубокие корни в традиции, менталитете многих народов, вышедших из одной общей страны. Во многом по этой причине она и в современных социокультурных условиях не потеряла своих позиций. Но эта же особенность придает неустойчивость системе, ибо как только возникает сомнение в авторитете, она может разрушиться. Иначе говоря, в условиях стабильного развития социума авторитарная мораль

устойчива и четко включена в механизмы манипуляции сознанием и поведением человека. Но в нестандартной ситуации социальных потрясений личность может потерять веру в нее. А именно вера предстает чаще всего эмоциональной основой поддержки индивидом авторитарной морали. Тогда полученная нравственная свобода может трактоваться как вседозволенность. Как говорил Алеша Карамазов, юноша, которого окружающие его люди называли совестью своей: «Как только возникнет хоть малейшее сомнение в бытии Бога, я тут же уйду в социалисты и революционеры».

Во-вторых, в авторитарной социальной морали фактически предзаданы основные смыслы и параметры человеческого бытия. Человек существует в рамках жизненного цикла, вырваться за пределы которого крайне сложно. Это можно проследить по истории крестьянства в Российской империи. Суть положения человека выражается в известном суждении обыденного сознания: «Деды наши жили так, отцы наши жили так, и не нам менять». Система норм авторитарной морали задавала границы дозволенного и недозволенного.

В-третьих, авторитарная социальная мораль не может существовать без жесткого социального контроля. Как правило, это внешний контроль, который не приводит к формированию потребности в самоконтроле, самооценке, саморегуляции. В целом такая мораль очень хорошо вписывается в модель патерналистских отношений. По сути это гетерономная мораль зависимости, которая тем не менее может быть очень удобной по причине формирования морального иждивенчества, порождающего неприятие ответственности. Еще одним следствием функционирования патерналистских отношений в области морали предстает неизбежный распад общества на две неравнозначные группы — элиту, которая якобы знает, в чем смысл жизни и куда необходимо вести людей, и «темную» неразумную массу, которая сама в себе не может разобраться и поэтому нуждается в постоянном контроле и руководстве. Этический подтекст такой ситуации, по сути, означает признание «морально полноценных» субъектов, чья деятельность направлена на поддержание социального порядка ведóмыми людьми. Отсюда порождается иллюзия «приобщения» к морали средствами в основном морализации, которая чаще всего приводит к противоположному результату.

В концепциях, ориентируемых на социальную этику, основным критерием моральности человека называется поступок. Действительно, в морали как «практическом, деятельном сознании» (А. А. Гусейнов) представления о должном объективируются в поступке, который показывает внешнюю

сторону жизнедеятельности человека. Но если задаться вопросом о мотивации этого поступка, то многообразие возможностей свидетельствует о том, что далеко не всегда индивид действует согласно внутреннему убеждению. Мотивация может быть корыстной, действие может быть вызвано боязнью насилия. Чаще всего, в особенности в условиях отчуждения человека от морали, индивид действует по принуждению. Но для социальной этики это не важно. Конечно, можно задаться вопросом: что лучше — принужденная моральность или свобода индивида? Ведь, с одной стороны, в таком случае сохраняется установленный порядок и как будто бы все находится под управляемым контролем. Но, с другой стороны, без формирования внутренних механизмов саморегуляции, в условиях ослабления внешнего контроля индивид далеко не всегда сможет придерживаться социально приемлемого поведения.

Для того чтобы в обществе возможна была совместная, солидарная деятельность людей, необходимо прийти к определенному согласию на основе взаимных компромиссов при понимании объективных ограничений свободы личности. Социальная этика по сути своей и должна находить основы такого рода согласия.

Но в истории существует множество примеров, когда именно ориентация на высшие моральные ценности и внутреннее понимание своего нравственного долга заставляют человека противостоять предъявляемым требованиям и идти против господствующей идеологии, когда необходимо выйти за рамки наличной социальности. В самой жесткой тоталитарной системе фашизма были люди, нашедшие в себе силы быть не как все. Понятно, что это результат выработки личностью внутренней моральной автономии, позволяющей критически подойти к оценке действительности. Более того, как пишет А. А. Гусейнов, «мораль в рамках социальной реальности возможна постольку, поскольку она нацеливает на критическое противостояние ей и задает идеальную основу для такого противостояния» [4, с. 41].

В идеальной модели социальной этики индивид добровольно принимает на себя обязательство выполнения моральных норм. В нее же достаточно непротиворечиво вписывается ситуация «принужденной моральности». Но в отношении морально автономного субъекта не совсем корректно говорить о жестком противостоянии социальной этике. Ведь существуют простые нормы нравственности и человечности, культуры общения, этикетные нормы, которые принимаются всеми как основа организации человеческого взаимодействия. Это тот минимум, без которого невоз-

можно никакая мораль. Но и свести ее к этим нормам также нельзя. Морально автономная личность, критически относясь к социальной этике или даже отрицая ее, тем не менее опирается на фундамент культуры, в которой закодирована информация, становящаяся востребованной только в случае наличия личностной заинтересованности в ней. Иначе становится непонятным, как великая немецкая культура Гегеля, Канта, Гёте, Баха оказалась отброшенной под воздействием пропаганды низменных инстинктов ненависти и расового превосходства. Но справедливо и обратное: только актуализируя культурные ценности на личностном уровне, индивид приобретает возможность самотворения, в результате которого формируется критический взгляд на окружающую социальность. Кроме того, для возникновения нравственного отношения нужен Другой, благодаря которому индивид начинает воспринимать себя в качестве морального субъекта.

В своих крайних формах противопоставление социальной этики и индивидуальной морали проявляется в экстремальной ситуации, которая хорошо описана в литературе, в том числе и мемуарной: человек в условиях концлагеря. Но помимо воспоминаний, которые по силе воздействия просто потрясают, можно опереться на книги философов и психологов, проживших этот ад: Д. Бонхеффера (погиб в лагере), А. Солженицына, В. Франкла. Именно такого рода ситуации ярко характеризуют природу морали [5, с. 20—25]. Социум направлен кардинально против, нормы социальной этики не работают, человек лишается всего. Подчеркнем длительность такого рода существования. Ведь даже тогда, когда человек совершает подвиг, требующий максимального напряжения всех его возможностей, как физических, так и духовных, это не является гарантией его дальнейшей добродетельной жизни. Но в случае пребывания в тяжелейших условиях лагеря

проявляется сущность морали человека, которая выражается в потребности человечности отношений между людьми. Именно такие ситуации показывают, что далеко не все в нашей жизни определяется существующими обстоятельствами и нормами социальной этики. Конечный выбор остается за самим человеком. Человек, по словам В. Франкла, — «это существо, которое всегда решает, кто он» [6, с. 165]. Именно своими выборами человек выстраивает свое нравственное бытие.

Таким образом, когда мы переходим к анализу современной социокультурной ситуации, то нетрудно заметить, что приоритет в моральной культуре постепенно приобретают права личности на творение своей собственной судьбы. Старые способы регуляции поведения человека уже не столь эффективны. Многообразие личностных образцов порождает потребность выработки собственной жизненной позиции, на основании которой и осуществляется моральный выбор.

Список цитированных источников

1. Вайсман, Б. Психиатрия — предательство, не знающее границ / Б. Вайсман. — М., 2002.
2. Гусейнов, А. А. Философия — мысль и поступок / А. А. Гусейнов. — СПб., 2012.
3. Кон, И. С. Битва за штаны: этикет, мода, политика, идеология / И. С. Кон // Человек. — 2001. — № 5.
4. Гусейнов, А. А. Мораль между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) / А. А. Гусейнов // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р. Г. Апресяна. — М., 2009. — С. 37—49.
5. См.: Лаптенко, А. С. Нравственная культура общества: преемственности и новации / А. С. Лаптенко. — Минск, 1999.
6. Франкл, В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл. — М., 2009.
7. Jakubovska, V. O kulture a o tom, čo s ňou súvisi / V. Jakubovská // Filozofia a doba. — Bratislava, 2001. — S. 241—253.

Дата поступления в редакцию: 02.11.2015 г.